

Перед смертью шаньюй поручил беременную яньчжи своему второму сыну, Улэйжо. В это время старший принц Фуло уже вёл двадцать тысяч воинов на выручку царскому двору. В районе Драконьего города, где располагался двор, кипели ожесточённые бои, и было небезопасно. Шаньюй велел Улэйжо бежать на восток, в степи Хулунь, дабы спасти жизнь яньчжи.

Мать шаньюя и три его другие жены попали в плен, и вскоре их головы водрузили на колья вокруг Драконьего города. Улэйжо и яньчжи также стали мишенями для мятежников.

Войско Фуло на время остановило наступление бунтовщиков, и степи Хулунь превратились в важный тыл. Внутренние распри хунну взволновали ханьские пограничные земли; поговаривали, что десять тысяч ханьских солдат тайно проникли в окрестности Драконьего города с недобрыми намерениями.

Шаньюй умер по пути отступления, на руках у яньчжи. Красавец был уже на шестом месяце, живот его вырос. Шаньюй, сражённый стрелой в правое лёгкое, лежал на повозке и нежно гладил этот живот.

Яньчжи простила шаньюя, простила своего мужа. Тот погиб, защищая её: стрела была нацелена в её грудь, а шаньюй, находившийся в безопасности, оттолкнул охрану и прикрыл её собой. Увидев окровавленный наконечник, торчащий из груди мужа, красавец в одно мгновение забыл всю свою ненависть. Улэйжо с криком повёл отца и яньчжи в отступление, а Фуло с войском подоспел вовремя и отбил погоню.

Яньчжи гладила побелевшее лицо шаньюя, и слёзы ручьями катились по её щекам. Впервые она повзрослела — наклонилась и поцеловала мужа в лоб. Шаньюй исказил губы в улыбке, потрогал её живот и прошептал последнее:

— Суриле.

«Суриле» на языке хунну означало «храбрый». Так шаньюй назвал будущего ребёнка яньчжи. Красавец кивнул, слёзы падали на глаза мужа, и она, обнимая его, всхлипывала:

— Великий правитель...

Взгляд шаньюя застыл. Так завершил свой путь великий правитель степей, двадцать лет воевавший и повелевавший.

Улэйжо на повозке довёз тело шаньюя до степей Хулунь, и яньчжи сопровождала его весь путь. Из-за беременности она не могла ехать верхом и вынуждена была трястись на медленной волах.

В степи уже стояла зима, кружился снег, и тело шаньюя заледенело. Улэйжо вёл около пяти тысяч всадников, охранявших яньчжи и тело отца. По пути они не раз сталкивались с мятежниками, и половина воинов полегла. Беременная яньчжи стала обузой для всего отряда.

Среди всадников рос ропот. Злые языки шептали, будто яньчжи виновна в смерти шаньюя, что она — ханьская шпионка, и её следует казнить. Улэйжо отрубил головы нескольким зачинщикам, и тёплая кровь брызнула на его бледное лицо. Подняв окровавленный меч к телу отца, он мрачно спросил:

— Кто ещё посмеет предать великого шаньюя Ивэйсе?

Все замолчали. Улэйжо приказал отрубленные головы повесить на повозку с телом шаньюя — для острастки. Всё это время яньчжи сидела рядом с телом мужа. Ей было страшно — свирепые всадники, казалось, готовы были её растерзать. Улэйжо с ней не разговаривал, и лишь холодный труп правителя давал ей призрачное чувство безопасности.

Шли они медленно, больше двух недель, и наконец достигли окраин степей Хулунь. Здесь стоял с войском третий принц Иэрдань, и все вздохнули с облегчением. Снег валил хлопьями, пробирая до костей, сугробы преграждали путь. Воины выбились из сил, припасы подходили к концу. Улэйжо велел разбить лагерь и отправил гонцов к Иэрданю с просьбой о помощи.

Яньчжи и тело шаньюя поместили в небольшой шатёр в центре стана, рядом с шатром Улэйжо. Но принц, кроме вечерних визитов к отцу, не удостоивал красавицу словом. Улэйжо ненавидел яньчжи — из-за неё погиб отец, а ему теперь приходилось, исполняя последнюю волю, тащить эту обузу в степи Хулунь, где была гробница шаньюя. Родит ребёнка — быть может, разгневанный принц отправит её в погребальную яму следом.

Яньчжи день за днём сидела, обняв живот. Тело мужа рядом не пугало её. Горькая ирония: при жизни шаньюя она его и ненавидела, и боялась, а умер он — и она затосковала. Этот человек спас её, защитил перед лицом врагов, и даже умирая, приказал доставить её в безопасное место.

Каждый день яньчжи растапливала снег и умывала лицо шаньюя, сбрасывала ненавистную бороду, обтирала тело влажной тряпицей и переодевала в чистую одежду. Втайне она нарядила его в тёмный ханьский шёлк — муж вечно ходил в вонючей одежде кочевников, а она её терпеть не могла. В её сердце супруг должен был быть благородным господином в тёмных одеждах, учтивым и просвещённым, а не тем, кто её бил. Улэйжо, зайдя вечером и увидев отца в ханьском облачении, с волосами, уложенными по-ханьски, остолбенел.

Принц нахмурился. Яньчжи, сидевшая у костра, испуганно взглянула на него. Улэйжо протянул ей еду и холодно бросил:

— Не смей больше трогать тело отца.

Красавица покорно кивнула.

Снег шёл три дня, и дороги замело. Все томились в ожидании, жаждая, когда же Иэрдань приведёт подмогу.

Но вместо подмоги явились ханьские всадники. Среди них были лазутчики, и император Чжао Цзюэ, лично возглавив десять тысяч воинов, явился исполнить обещание — забрать брата.

Яньчжи похитили во сне. Улэйжо первым почувал неладное и, неслышно выскользнув из шатра, пошёл за лазутчиками. Внезапно позади вспыхнуло зарево, и всадники закричали:

— Засада!!

Император велел поджечь стан хунну, и, кроме яньчжи, никого не пощадили. Десять тысяч ханьских солдат против двух тысяч хунну — началась страшная резня.

Тело шаньюя сгнуло в том пожаре, так и не достигнув гробницы в великих степях Хулунь. Яньчжи очнулась, уже когда её увозили, и, увидев вдалеке багровое зарево, хрипло простонала:

— Не надо...

Император стоял на чёрном коне на возвышенности, в серебристых доспехах, укутанных лисьим мехом. Он по-прежнему был строен и величав, лишь взгляд был тёмным, как ночь. Бросив взгляд на пожар в стане, он скользнул глазами по яньчжи в руках лазутчика, легко спрыгнул с коня, подошёл и обнял её.

— Жун'эр.

Знакомый голос отозвался в ушах. Яньчжи не верила своим глазам, смотрела на прекрасного, как прежде, брата и не могла пошевелиться. Император крепко прижал её к себе, но, ощутив выпуклость живота, с отвращением сморщился. Лишь тогда красавица поняла — это не сон. Брат действительно пришёл за ней. На третий год после её свадьбы с хунну, когда она уже почти потеряла надежду, он явился с войском, чтобы забрать её.

Возможно, она должна была радоваться. Возможно, быть тронутой. Но радость и умиление запоздали — она уже смирилась с тем, что навеки останется в степях, что её душа навсегда сольётся с ковылём и ветром. Когда-то она мечтала, что брат тайком проберётся в царский двор, словно отважный воин, и спасёт её. Может, их бы обнаружили, может, за ними гналась бы вся конница двора — но она была готова. Готова бежать с любимым, пусть даже насмерть. Их тела обнялись бы, руки сцепились, сердца слились бы в одно — они были самой любящей парой на свете и в следующей жизни снова стали бы ею.

Юношеские грёзы всегда романтичны и наивны, словно цветы, что дарил брат, — не выдерживают ледяного ветра.

Ветер в запредельных землях слишком пронзителен, мороз слишком лют — и она уже привыкла к этому холоду.

Император крепко обнимал её, в объятиях его читались и тоска, и мука, но, учуяв запах немытого тела, он сморщился:

— Жун'эр, как ты настрадалась.

<http://bllate.org/book/16253/1461999>